

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 2011 „Методическая копилка”

Роньжина Маргарита Борисовна

Муниципальное общеобразовательное учреждение гимназия № 20

города Люберцы Московской области

СЦЕНАРИЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ВЕЧЕРА.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ. «БОГИНИ РУССКОГО ПАРНАСА»

Звучит музыка, вальс Г.Свиридова «Метель». Собираются гости.

Ведущая: Великая литература - это литература великих страстей, среди которых на первом месте была, конечно же, любовь. Не счесть читательских

поколений, околдованных пленительными женскими образами, но поэтический гипноз не мешает просто человеческому интересу: а существовали ли в действительности эти необыкновенные существа? И если да – как звали их? В каких отношениях были они с теми, кто даровал им бессмертие в своих романах, новеллах, повестях.

Все наши героини – реальные женщины, каждую из которых судьба связала узами любви с гениальным человеком и которые были запечатлены, хотя бы бегло, в его произведениях. Не говоря уже о подробных, глубоко прописанных портретах. Одним словом, кто они – богини русского Парнаса?

Он помнил чудное мгновенье.

На экране портреты А.П. Керн и А.С. Пушкина.

Звучит романс М.Глинки на стихи А.С.Пушкина.

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты.

Анна Керн гостила у своих родственников Вульфов в Тригорском, где однажды во время обеда раздался далёкий лай собак, который быстро приближался, и скоро в столовую стремительно вошёл господин «с большой, толстой палкой в руках».

Любимец муз нагрянул из Михайловского в сопровождении огромных волкодавов. «Тётушка, подле которой я сидела, - вспоминала впоследствии полтавская гостя, - мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость была видна в его движениях».

Так вот, стало быть, когда произошло их официальное знакомство – через шесть лет после мимолётной встречи в доме Олениных. «Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили».

Теперь и от её смелости не осталось и следа. «Да и трудно было с ним сблизиться, - признавалась много лет спустя Анна Петровна. – Он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен».

Раз он принёс с собой большую тетрадь в чёрном сафьяновом переплёте, украшенном масонскими знаками. Усевшись в кресло, раскрыл её, и в тревожной тишине прозвучало:

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.

« Я была в упоении как от текучих стихов этой чудной поэмы, - признавалась Анна Петровна, - так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаивала от наслаждения».

Потом она пела романс на стихи Козлова.

Звучит аудиозапись романса «Глядя на луч пурпурного заката».

На другой день Анна Керн уезжала в Ригу. Встали поздно и не успели ещё отзавтракать, как послышался приближающийся лай собак, - он всегда являлся в сопровождении собак. На сей раз в руке у Пушкина была не палка, а какие-то типографские листки. Помешкав, он протянул их Керн. Она заглянула внутрь – листы были не разрезаны, - узнала строфы «Онегина» и вдруг увидела сложенный вчетверо листок почтовой бумаги. Вынула, развернула и прочла под его горящим взглядом:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

Именно в это июльское утро имя Керн зажило своей собственной жизнью, на которую генеральша Анна Керн будет взирать с потаённой и печальной завистью. Но это случится ещё не скоро. Буквально через день

вдогонку сёстрам полетело письмо, которое было лукаво адресовано одной Анне (Вульф), а предназначалось, разумеется, для глаз другой.

Что же касается сложенного вчетверо листка, который красавица-генеральша извлекла летним утром из неразрезанных листков «Евгения Онегина», то она вручила его композитору Глинке, а композитор Глинка, рассеянный, как все великие люди, листок потерял. Зато романс, сочинённый им на бессмертные стихи, сделался тоже бессмертен. Как и имя той, кому стихи эти были посвящены.

Молодые люди танцуют вальс.

Цветы из гербария. На экране портреты Ф.И.Тютчева, Эрнестины Дёрнберг Елены Денисьевой.

На мюнхенский карнавал 1833 года прибыли из немецкого городка барон Фридрих Дёрнберг и его очаровательная супруга Эрнестина. На одном из балов барону внезапно занеможилось, и он, отыскав свою спутницу, которая беседовала с молодым, небрежно причёсанным иностранцем, молвил тому: «Поручаю вам мою жену». После чего раскланялся, уехал домой, лёг и через несколько дней умер. Иностранец поручение барона не забыл: вдова пользовалась его неизменным вниманием. Это был второй секретарь русской миссии Фёдор Тютчев, сумевший к своим тридцати годам занять на дипломатическом поприще лишь самую низкую ступеньку. И вообще слыл неудачником.

Первая и весьма пылкая его любовь закончилась крахом: ему предпочли другого, и он в 22 года женился сгоряча на женщине с четырьмя детьми. Пошли и дети собственные. Жалованья не хватало, приходилось отказывать себе в самом необходимом. Тут-то и появилась в его жизни внезапно овдовевшая Эрнестина Дёрнберг.

О, если бы тебе приснилось,

Что будущность для нас обоих берегла!

Будущность берегла многое: и печали, и радости, и тайные свидания, и морские прогулки под парусом, когда по лицу возлюбленной в лучах восходящего солнца «струились капли огневые». О чём плакала прекрасная баронесса? Разумеется, о безнадежной любви своей, о невозможности любить: он женат, у него дети – для набожной Эрнестины это свято. До наших дней дошёл альбом этой женщины, между плотных листов которого вот уже полтора века лежат засушенные растения, а внизу подписи, сделанные её рукой. Жена Тютчева тяжело больна, жизнь её в течение суток находилась в опасности. Возлюбленные приняли решение расстаться. Прощальная встреча произошла в Турине.

Так здесь-то суждено нам было

Сказать последнее прости...

Исполняется фортепьянная пьеса «К Элизе» Л. Бетховена.

Молодой человек читает под музыку стихотворение А.С.Пушкина

«Сожжѣнное письмо».

Можно ли так искренне оплакивать одну и одновременно любить другую? Можно. Письмо Эрнестины с признанием в любви написано в мае 1855 года, в разгар его романа с Еленой Денисьевой, самого бурного, растянувшегося почти на полтора десятилетия романа, увенчанного знаменитым «денисьевским» циклом - одной из вершин мировой лирической поэзии. Когда умерла Денисьева, потрясѣнный Тютчев публично оплакивал её – и в разговорах с близкими, и в письмах, и в стихах, которые подписывал своим полным именем.

Любила ты, и так, как ты, любить –

Нет, никому ещё не удавалось.

А тем временем в альбоме – гербарии, том самом, где запечатлена в цветах и собственноручных её надписях вся история их отношений, давно уже лежит

незаметно оставленный мужем листок со стихами. Эрнестина Фёдоровна обнаружила его и прочла через два года после смерти Тютчева.

Моей, не знаю я, коснётся ль благодать
Души болезненно – греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдёт ли обморок духовный?

Строки эти написаны в самый первый, самый жаркий, самый обморочный период его любви к Денисьевой. Посвящены, однако, жене. И даже – на всякий случай – сделана пометка на французском языке: «Для вас».

Она и прочла наедине – совсем, совсем наедине...

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была –
Ты, ты, моё земное провиденье!..

Музыкальная композиция из цикла «Поэзия и музыка»

Фёдор Тютчев «Она сидела на полу».

Средь шумного бала. На экране портреты А.К. Толстого, С.А. Бахметьевой.

По свидетельству современников, эта женщина не блистала красотой, зато отличалась незаурядным умом, великолепной образованностью – полдюжины языков знала – и безошибочным вкусом. Рассказывают, как однажды она, взяв томик Гоголя, стала прямо с листа, без единой запиночки, переводить вслух на французский язык «Старосветских помещиков». Ещё рассказывают, что она была чрезвычайно музыкальна. «Пела Софья Андреевна как ангел... Прослушав её несколько вечером сряду, можно было без ума влюбиться в неё и не только графскую, а царскую корону надеть на бойкую головку». В Софью Андреевну Бахметеву влюблялись, причём влюблялись не просто «без ума», а до смерти. И вот однажды

Средь шумного бала, случайно

В тревоге мирской суеты

- её увидел будущий автор этих строк Алексей Константинович Толстой. На робкую просьбу снять маску незнакомка засмеялась (« И смех твой, и грустный и звонкий») и отрицательно покачала головой... Итак, она ускользнула неузнанной, но спустя несколько дней сооблаговолила официально пригласить к себе своего нового знакомого, который успел-таки сунуть ей визитную карточку.

С робостью переступил он порог гостиной, в которой его опытный глаз сразу же отметил множество вещей, выдающих любовь хозяйки к античности. Поэт запомнил это и вскоре послал поклоннице Гомера своё собственное написанное гекзаметром стихотворение:

Пусто в покое моём. Один я сажу у камина...

Под пустотой, как нетрудно догадаться, подразумевалось отсутствие любящего и любимого сердца. Богатый и знатный человек, без пяти минут церемониймейстер Двора Его Величества, Толстой вёл холостую жизнь. Несмотря на свои 33 года, был жестоко опекаем матерью, властной и бдительной дамой, которую, впрочем, боготворил. В угоду ей раз уже отказался от брака. Ему, человеку богатырского сложения, ничего не стоило разогнуть подкову, завязать бантиком серебряную ложку или ударом кулака всадить в притолоку гвоздь. Вообще противоречий в нём было хоть отбавляй. Тонкий, меланхолического склада лирик, он был одновременно одним из создателей Козьмы Пруткова, балагура и остролова, чьи меткие выражения до сих пор гуляют по Руси. Он не хотел служить, не хотел чинов, и то были не прихоть, не кокетство, а ясное понимание своего предназначения.

«Я родился художником, - слова эти подчёркнуты в письме, - но все обстоятельства и вся моя жизнь до сих пор противились тому, чтобы я сделался вполне художником».

Письмо адресовано Софье Андреевне, которая, спасаясь от сплетен, от «тревоги мирской суеты» и преследований мужа, уехала в родовое поместье. Толстому трудно без неё, но, пишет он, «бывают минуты, в которые моя душа при мысли о тебе как будто вспоминает далёкие – далёкие времена, когда мы знали друг друга ещё лучше и были ближе, чем сейчас». Судя по тому, как возросла продуктивность Толстого после знакомства с Софьей Андреевной, она его писанием интересовалась весьма активно. Быть может, это и было скрытой пружиной их отношений? О его творениях она высказывалась прямо, спокойно и подчас нелицеприятно. Он нередко спорил с ней, но это не становилось поводом для размолвок. Но всё же существование влюблённых было отнюдь не безоблачным.

Он целил Софью Андреевну как мог – стихами, чутким вниманием, повышенной деликатностью. Она исповедовалась перед ним, ничего не скрывая.

Мысленно вместе с тобой претерпел я минувшие годы,
Всё перечувствовал вместе с тобой, и печаль, и надежды,
Многое больно мне было, во многом тебя упрекнул я...

Даже у того, кто стоит «надёжно и прочно», случаются минуты, когда требуется помощь другого человека. «Ты должна вернуть мне равновесие», - обращается он к ней в одну из таких минут. И здесь же, несколькими строками выше: «Чувствую, что никто, кроме тебя, не может меня исцелить». Подразумевается, естественно, исцеление духовное. Но придёт час, когда она исцелит его и физически. Буквально вытащит с того света, рискуя собственным здоровьем и жизнью.

В феврале 1856 года разразился тиф. Смерть косила людей направо налево. Не пощадила болезнь и церемониймейстера Двора Его Величества. Положение его было настолько серьёзным, что об этом сочли необходимым доложить царю. Но больного спасло не далёкое монаршее внимание, а близкое

– и, главное, такое неожиданное – присутствие любимой женщины. Софья Андреевна приехала сразу же, как узнала о тифе. Приехала, презрев опасность, бросившись очертя голову в самое пекло эпидемии, чтобы самой ухаживать за человеком, который официально был ей никем. На первый взгляд, больше всего на свете Алексей Константинович боялся пережить возлюбленную. Но нет, не это было самым страшным для него. Не это... И потому он, давно разменявший шестой десяток, грузный, больной, терзаемый приступами удушья, выводит слова, на которые отважится далеко не всякое любящее сердце: «Пусть лучше я после тебя умру, потому что я не хочу, чтобы тебе было тяжело после меня...»

Это его желание, увы, не осуществилось: он умер гораздо раньше. На целых 20 лет пережила своего мужа Софья Андреевна. И все двадцать лет её ждало местечко рядом с ним в специально изготовленном по её заказу в Париже металлическом саркофаге.

Звучит романс «Средь шумного бала» в исполнении М. Магомаева.

Слова А. Толстого, музыка П. Чайковского.

Русалка. На экране портреты А.Ахматовой и Н.Гумилёва.

Купальный сезон закончился, французский курорт Трувиль погрузился в спячку, и тут произошло событие, которое взбудоражило всё местное население: полицейский арестовал некоего загадочного иностранца.

Это был высокий узкоплечий блондин, изрядно косящий, без вещей. По-французски он говорил довольно прилично, но объяснить, где остановился и что делает на берегу холодного моря в столь поздний час, оказался не в состоянии. Бродяга был препровождён в полицию, что сказалось – и весьма благотворным образом - на русской литературе. Ибо иностранцем был никто иной, как поэт Николай Гумилёв. (Сам он не без гордости именовал себя разноглазым).

Но что занесло его в нормандский городок Трувиль? В Трувиль поэт прибыл из Парижа с одной единственной целью – утопиться. Грязная Сена ему, видите ли, для этой цели не подходила : романтик, он сизмальства грезил морем. И, если уж, считал, умереть, то только в его благородных волнах...

Вообще-то Гумилёв не раз пытался покончить с собой. И всё из-за одной и той же женщины. Фамилия её была Горенко, с ударением на первом слоге. Потом под её стихами появится другая фамилия – Ахматова.

Познакомились они в рождественский сочельник 1903 года. Пред ним была немногословная гимназистка с ёлочными украшениями в руках. « Ане он не понравился», - утверждала впоследствии подруга в своих воспоминаниях.

« Но уже тогда, - продолжает мемуаристка, - Коля не любил отступать перед неудачами.

Он не был красив, - в этот ранний период он был несколько деревянным, высокомерным с виду и очень неуверенным в себе внутри». Сама Ахматова называет его в стихах «серым лебедёнком», который превратился со временем в « лебедя надменного».

Вторая их встреча произошла на катке. Он был поражён: сколько сноровки и физической выносливости таила эта хрупкая с виду грациозность!

Теперь виделись постоянно. Излюбленным местом во время прогулок в Царском Селе была искусная имитация руин – так называемая Турецкая башня. Точно ласточки устраивались они на самой её верхотуре. Отдавали дань и светским развлечениям: посетили концерт мировой знаменитости Айседоры Дункан, являлись в торжественных вечерних костюмах в ратушу и даже попробовали себя в амплуа актёров. Он требовал верности и торжественного обещания, что она станет его женой. Длинноногая русалка в ответ смеялась.

Скоро она уехала к своему любимому Чёрному морю, в Евпаторию. Не одна, естественно, - с матерью, сёстрами и братом. Но отвергнутый поэт настиг её и в этом тихом провинциальном городке.

Я люблю эту диву – ундицу,
Озарённую тайной ночной,
Я люблю её взгляд заревой...

В Париж он отправился, чтобы раз и навсегда забыть свою «русалку». Но те- перь, кажется, уже она либо не могла, либо не хотела его забывать и сама – первая! – написала ему. «Если бы Вы видели, какая я жалкая и ненужная. Главное, не нужная, никому, никогда». Гумилёв, ошарашенный от счастья, незамедлительно ответил. «Он мне пишет непонятные слова, - жаловалась Аня Горенко – и я хожу с письмом к знакомым и спрашиваю объяснение. Затем бывает нервный припадок, холодные компрессы и общее недоумение, Он так любит меня, что даже страшно». И вот решение принято.

«Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилёва. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба быть его женой». Так совершенно искренне думала она. Но когда некоторое время спустя будущие супруги стояли вдвоём на берегу моря в Севастополе, куда он специально приехал, чтобы повидаться с ней, она, глядя на тела выброшенных на сушу мёртвых дельфинов, поняла вдруг, что на вопрос: «люблю ли его?», ответ следует дать отрицательный.

Отказала... Отказала начисто. Тогда-то Гумилёв отправляется в курортный городок Трувиль, чтобы раз и навсегда свести счёты с жизнью, но его задерживает полиция, приняв за бродягу. Он расценивает это как знак судьбы. Как приглашение ещё раз попытать счастье – вдруг согласится? Но она не соглашается: снова отказ. И снова он пытается наложить на себя руки – на сей раз с помощью яда. В бессознательном состоянии его подбирают в Булонском лесу.

В ноябре 1909 года в Киеве, куда он приехал с группой писателей для участия в литературном вечере (и, конечно же, для встречи с нею), он снова заговорил о браке и получил милостивое согласие, но не поверил ему. А зря! На

сей раз решение оказалось бесповоротным: 25 апреля 1910 года в церкви Никольской Слободки Анна Горенко и Николай Гумилёв обвенчались.

Прожили вместе 8 лет. Ну, как вместе? То он в Африку уезжал, то в Европу. А она оставалась одна: сына Лёву, родившегося осенью 1912 года, растила свекровь.

Когда в 1918 году Гумилёв вернулся из-за границы, Аня сказала, что хочет навеки расстаться с ним. Николай страшно побледнел, помолчал и сказал: «Я всегда говорил, что ты совершенно свободна делать всё, что захочешь». Встал и ушёл. Для него это был удар, и удар сильный. Но был ли он неожиданным? Вряд ли. Когда-то, после очередного её отказа он написал стихи, в которых называет её «мой враждующий друг» и в которых, собственно, предсказывает именно такой финал: «Это было не раз, это будет не раз... Как всегда, от меня ты теперь отреклась...»

Звучит романс «А напоследок я скажу».

Музыка А.Петрова, слова Б.Ахмадулиной

Сергей Есенин и Айседора Дункан.

Познакомились они в Москве, в студии известного художника Якулова. Тут, как в античной трагедии, которую так любила эта женщина, оба умерли не своей смертью: он повесился, её удавила, попав в колесо автомобиля, пурпурная, с голубыми астрами шаль...

Молодой человек читает стихотворение «Заметался пожар голубой».

После смерти Есенина Айседора писала: «Трагическая смерть Есенина причинила мне глубочайшую боль. У него были молодость, красота, гениальность. Не удовлетворённый всеми этими дарами его отважный дух искал невозможного. Он уничтожил своё молодое, прекрасное тело, но дух его будет вечно жить в душе русского народа и в душе всех, любящих поэзию. Протестую против легкомысленных высказываний, опубликованных

американской прессой в Париже. Между Есениным и мною никогда не было ссор, и мы никогда не были разведены».

В январе 1926 года она писала: «...Смерть Есенина потрясла меня, но я столько плакала, что часто думаю о том, чтобы последовать его примеру, но только иначе – я пойду в море...»

Незадолго до гибели журналисты спросили её о самом замечательном периоде жизни. «Конечно Россия, конечно, Есенин».

Поэзия и музыка. Музыкальная композиция «С. Есенин» А. Zlischeva.

Ведущая. Любовь – это прекрасное чувство, которым проверяется человек, как лакмусовой бумагой. Способностью глубоко и искренне любить обладают далеко не многие. Это удел сильных натур. Именно такими людьми были наши герои.

Любовь... Чувство всепоглощающее, всепобеждающее. Оно зарождалось в душах с чрезвычайной быстротой. И рождались стихи, новеллы, повести, посвящённые любимым женщинам. Ведь любить и сочинять стихи – одно и то же. По сей день мы наслаждаемся творчеством русских писателей и поэтов, учимся у них по-настоящему, искренне любить. Любите и будьте любимы!

На этом наша литературная гостиная закрывается, но мы с нетерпением ждём новых встреч.

Пары танцуют под вальс Е.Доги из фильма «Мой ласковый и нежный зверь».

Список литературы.

1. Р. Киреев. « Богини Парнаса». Литературный семинар.
М. Глобулус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2005.
2. « Сценарий школьных праздников, конкурсов, викторин, игр».
Ростов-на-Дону, Феникс, 2002.
3. А.А. Мурашов, В.Ф. Русецкий.
.« Культура речи». Сборник статей.
Москва – Воронеж, 2004.
4. Е.П. Педчак. «Литература. Устный и письменный экзамен».
Ростов-на-Дону. Изд-во « Феникс». 2003г.
5. « Русская поэзия 19 века».
Москва, «Дрофа», 2002.
6. « Энциклопедия для детей».
Русская литература, часть 1. 2.
Издательский центр «Аванта», 1999

Приложения.

**Анна Петровна Керн
Александр Сергеевич Пушкин**

**Анна Петровна Керн
Александр Сергеевич Пушкин**

**Анна Петровна Керн
Александр Сергеевич Пушкин**

**А. К. Толстой
В. А. Бахметева**

Федор Тютчев
Елена Денисьева

Федор Тютчев
Эрнестина Дериберг

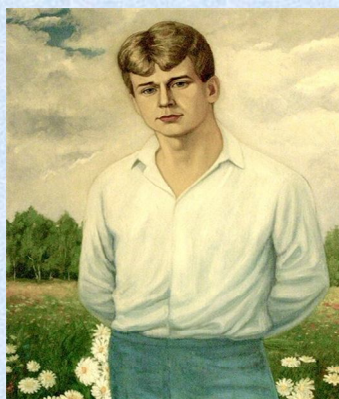
Анна Андреевна Ахматова
Николай Степанович Гумилев

Анна Андреевна Ахматова
Николай Степанович Гумилев

Сергей Есенин
Айседора Дункан

Сергей Александрович Есенин
Айседора Дункан

